Андрей КОЗЫРЕВ

МАЛЕНЬКИЕ КОМЕДИИ

(Драматический полиптих)

ОСТАНОВКА «ЛЮБОВЬ»

Место действия– последний вечерний трамвай. За окнами пролетают пейзажи постепенно сменяющих друг друга времен года. Скорость их смены всё время растет, а затем начинается смена времён года в обратном порядке.

Она сидит на сиденье трамвая. Он подсаживается рядом.

Он. Девушка! Не подскажете, конечная остановка скоро?

Она. Нет, вам долго надо ехать… А вы там живете?

Он. Нет, просто я люблю ездить на трамвае по ночному городу и сочинять стихи.

Она. Так вы поэт! Скажите, а это интересно – писать стихи?

Он. Очень! Я сейчас книгу делаю. «Цвет воды» называется.

Она. А почему название такое необычное?

Он. Понимаете, чем больше в книге воды, тем она глубже.

Она. А вы интересный человек! Знаете, я хотела бы с вами познакомиться… Вы, наверное, очень талантливы.

*Он.*Талант мне дан для того, чтобы понять степень собственной бездарности.

Длительная пауза.

Она. Знаешь, я одна тебя понимаю…

Он. Счастье — это когда тебя понимают, несчастье — когда поняли до конца.

Она. А когда мы поженимся?

Он. Как можно скорее! А ты хорошо готовишь?

Она. Я очень вкусно готовлю. Мои обеды будут еще вкусней, если готовить их реже.

Пауза.

Она. А как ты назовешь нашего ребенка?

Он. Имя-то легко придумать… Ты мне его отчество скажи!

Она. Ты что, ревнуешь? У тебя здравый смысл-то есть?

Он. У нас под здравым смыслом всяк разумеет только свой собственный…

Она. Да, а ты пессимист, как я вижу… Я это сразу поняла, как только тебя увидела. Ты носишь подтяжки и ремень одновременно!

Пауза.

Он. Только теперь я понял: женщина– это как трамвай: чем бежать за ним, лучше следующего дождаться. Почему я этого не знал двадцать лет назад? За ошибки молодости приходится расплачиваться в аптечной кассе… Кстати, вот аптека, я сойду. *(Пытается встать).*

Она (удерживая его). Ты с ума сошел? Мы едем отмечать серебряную свадьбу!

Он (напевает). Когда мы были молодыми… Вот смотрю я на тебя– и вижу: все пережитое у тебя написано на лице и подчеркнуто морщинами. А хорошо бы снова в молодость вернуться!

Она. Ты что! В пятьдесят лет жизнь только начинается! Будущее – за нами!

Он. Лучше бы – впереди…

Пауза.

Она. А куда это мы с тобой заехали? Что за глухомань?

Он. Видишь, впереди зеленый свет горит. Нам еще долгий путь предстоит…

Она. Зачем зеленый свет, если ехать некуда?

Он. Знаешь, а твои седые волосы красивее, чем раньше, когда они золотыми были…

Она. Ты тоже с возрастом красивее стал. Это и внуки замечают…

Он. А старший внук вчера в трамвае с девушкой познакомился. Он мне читал стихи, посвященные ей…

Она. А ты не думаешь, что не младшие – старшим, а старшие – младшим должны в трамвае место уступать? Молодым ведь еще столько идти по жизни предстоит… А нам теперь недалеко до дома.

Он. Да, верно… Это закон.

Она. Закон—это то очевидное, что мы наконец умудрились заметить!

Кондуктор. Остановка «Конечная»! Прошу пассажиров освободить свои места!

Она. Пойдем, пойдем. У нас до дома теперь дорога короткая.

Он. Пойдем… Дай я тебя за руку подержу. Так нам легче вдвоем будет.

Медленно уходят, держась за руки.
Долгая, долгая тишина.

ОПА
(Общество Поэтов-Анонимов)

Сцена из трагедии

Центральный офис ОПА— маленькая комната в здании транспортного завода. На стенах — плакаты: «Слово—не воробей, не вырубишь топором», «Спасение писателей — дело рук самих писателей». У стен расставлены стулья, на которых сидят поэты.

Председатель. Многонеуважаемые господа! Позвольте считать открытым наше закрытое собрание ОПА. Первое слово я хочу предоставить человеку, который десять лет назад погрузился в творчество с головой и до сих пор не вылез из него.

Поднимается первый поэт—мужчина лет 50-ти, хорошо одетый, в очках.

Первый поэт. Здравствуйте. Меня зовут Николай, и я — поэт.

В зале — сочувственные вздохи.

Первый поэт. Я всю жизнь был порядочным человеком, преподавал в начальной школе теорию относительности. Я и не задумывался о том, чтобы писать стихи! Но однажды мои ученики были пойманы с поличным в туалете с сигаретами во рту. На вопросы: «Что вы здесь делаете?» они нагло ответили: «Мы стихи писали!» После этого, чтобы получше понять их, я начал изредка пописывать стихи:

О Родина наша родная!
Синь синяя синих небес,
Гусей журавлиная стая,
Лесистый загадочный лес
Мне дороги… Лишь для тебя
Скажу сейчас, сердцем скрипя—
В Париже я не был ни разу,
Люблю же Россию… заразу!

За это мне был объявлен выговор. Я с горя стал писать запоем. Например, для учителя литературы я переписал «Евгения Онегина» в доступной для детей форме:

Онегин был нехилый мэнваще-то:
В натуре бочку он на слуг катил,
С Татьяной обломился перед светом,
Прощелкал клювом милость воротил!

В конце концов меня вынудили уволиться по собственном желанию. Теперь я стал законченным поэтом и пишу по расписанию по 8 стихотворений в день. Меня никто не понимает. Я духовно голодаю, помогите, кто чем может! *(Несколько человек поднимаются с мест и кладут ему в папку свои рукописи).*

Поднимается второй поэт — пожилой человек лет 20-ти с длинными волосами.

Второй поэт. Меня зовут Семен, и я — поэт. Мои родители всегда верили, что из меня выйдет толк. Толк весь вышел, осталась одна бестолковщина. В детстве я не имел тяги к поэзии, пока не попал в дурную компанию. Мои дружки часто убегали со мной из школы и в чужих подъездах тайком сочиняли стихи. Постепенно зависимость становилась все сильнее, и к 18 годам я стал писать своим, неповторимым способом:

Я—словознатец. Слов я знаю кучу,
Каких никто доселева не знал.
Уж небосвод давно заснеготучил,
Небокопченьем занялся вокзал.
Смеркнулся небосвод. И листопадить
Уж начали немые дерева…
Какая это, право слово, радость—
Незнаемые создавать слова!

После того как меня выгнали из школы, я не стал учиться дальше. Меня никто не принимает на работу. Близкие отвернулись от меня. Прошу вашей помощи.

(Идет к выходу из зала. Навстречу ему выходит несколько человек в черных костюмах, ботинках, шляпах и очках—это критики—и под руки уводят его за собой).

Встаёт молодая поэтесса с плохо припудренными следами глубокой мысли на лице.

Поэтесса. Меня зовут Ксения, и я — поэт. Я родилась в маленьком городке, там порядочной девушке, кроме как замуж, и выйти-то некуда! Поэтому я начала писать в глубокой молодости, когда была на седьмом месяце от счастья. Вот эти стихи я посвятила своему девятнадцатому жениху:

С тобою я не обвенчана,
Но душу твою я вижу.
Ты меня сделал женщиной,
Как я тебя ненавижу.
Ты подарил мне дочку—
Всей жизни моей сокровище—
И умчался, поставив точку.
Какое же ты чудовище!

Народ безмолвствует.

Поэтесса. Критики-нолики! Почему вы все молчите?

Критик в штатском. Я говорю только то, что думаю. Поэтому я молчу.

Поэтесса. Если мне нечего сказать, это еще не значит, что я буду молчать. Хорошо подвешенный язык всегда чешется!

Критик. Вы подумайте, что вы говорите!

Поэтесса. И подумать страшно!

(Храбро задумывается. Зал замолкает.)

Поднимается юноша в куртке и джинсах.

Юноша. Меня зовут Велимир, но я—не поэт. Я — читатель.

(Зал восторженно ревет. Анонимные поэты вскакивают с мест и несутся к читателю, протягивая ему свои рукописи. Раздаются возгласы поэтов: «Дайте автограф!»)

Восторженная девушка. Вы правда никогда не писали?

Юноша. Честное слово!

Восторженная девушка. Я не понимаю, как появляются такие талантливые люди, как вы! Наверное, вы с детства не брали в руки книг?

Юноша. Нет, когда-то я много читал, но на филфаке университета меня быстро отучили от этого!

Пожилой писатель. Вы — редкость в наше время! Я напишу о вас книгу! И назову «Ум от горя».

Несколько голосов из толпы. Качать нашего гостя!

Юноша. Остановитесь! Я никогда не писал стихов, пока не очутился случайно на вашей встрече. Но под впечатлением от услышанного на меня снизошло вдохновение! (*Читает стихи*).

Осьмнадцать лет — тяжелая година,
Я уж не млад и многое понял.
Земную жизнь пройдя до середины,
Я дивный брег далече увидал.
Мне, дескать, благодатна жизнь иная:
Жить в старину, златой носить чепрак,
Из ендовы пить пену каравая,
Хотел бы я, всех этих слов не зная,
Так, как хотел бы, я уверен, всяк…

Немая сцена.
Юноша - бывший читатель что-то строчит на чужой рукописи.
Люди из толпы ведут по направлению к нему нескольких критиков в штатском.

Конца не предвидится*…*

ПРОДАВЕЦ СОВЕСТИ

Сцена представляет из себя рынок с ларьками. На ларьках – объявления: «Требуется продавец на мясо», «Сдается мальчик на побегушках. Пробег 290 км», «Товары для женщин отечественного и импортного производства». «Куплю исправный паром. Харон», «Сдам койку. Прокруст». В центральном ларьке сидит Продавец совести, вокруг него толпятся покупатели. За этим с интересом наблюдает Путешественник.

Продавец. Продам совесть! Покупайте качественную совесть! Не дайте себя обмануть в другом месте – покупайте у нас! Деревянные не предлагать.

Покупатель. Совесть – это товар дефицита в наше время… С рождения мечтал ее иметь. А вы как решились ее продать?

Продавец. Я когда-то был художником, торговал картинами. Но мои «шедевры» никто не покупал. Я верил, что меня признают, стоял на своем… Но порой, только настояв на своем, понимаешь, что не там стоял. Меня украшала только скромность… Теперь хочу, чтобы меня украшали бриллианты!

Путешественник. А вы случайно не продаете чужое?

Продавец. Мне чужого не надо. Поэтому я его и продаю.

Путешественник. Ну что же, я куплю у вас совесть – и подарю ее вам же. Будете и с деньгами, и с совестью!

Продавец. Как хотите, только, по-моему, это называется «деньги на ветер»…

Путешественник. Деньги хорошо бросать на ветер тогда, когда он дует в мою сторону.

Продавец. Вот вы хотите подарить мне совесть, а не знаете, хорошо ли ей будет со мною? Вы ей – и себе! – цену знаете?

Путешественник. Хорошо знает себе цену только тот, кого купили. Я же себя никогда не продавал…

Продавец. А вас когда-нибудь покупали?

Путешественник. М-да… Совесть с вами намучается. Возьму-ка ее себе, поживу пока с двумя совестями. Вот интересно, уживутся ли они?

Кладет пакет с совестью в карман и уходит. В это время к нему подкрадывается Вор и пытается вытащить совесть из кармана. Путешественник хватает Вора за руку.

Путешественник. И тебе не стыдно воровать? Не подумал, что народ о тебе скажет?

Вор. Народ будет, как всегда, безмолвствовать!

Путешественник. Запомни: когда народ молчит – это значит, ему есть что сказать… А откуда ты Пушкина знаешь?

Вор. Так я на его стихи песни пел, когда был музыкантом!

Путешественник. Ты был музыкантом? А почему тогда ты теперь воруешь?

Вор. С тех пор, как у меня скрипку украли, мне жить стало нечем, – вот и пришлось воровать… Потом, я ведь и раньше плагиатом занимался, так что мне не впервой. Знаешь, гражданин, искусство ведь требует не только жертв, но и гонораров. А с эти у нас сейчас туго! Сейчас ведь для бедных даже радуга черно-белая. Так вот, – без денег не взлететь…

Путешественник. Если хочешь высоко взлететь, не держи камень за пазухой. И помни – человек может все!

Вор. Да. Особенно делать вид, что он все может.

Путешественник (*замечая, что пакет с совестью перекочевал в карман Вора*). А знаешь ли ты, *что* у меня украсть пытался?

Вор. Да мне не так уж это и важно. Главное – чтобы это дорого стоило, было для всех нужно, чтобы все об этом говорили, но ни у кого бы этого не было!

Путешественник. Ну, тогда тебе совесть как раз и подойдет! Вору она нужнее, чем торговцу… Бери, что хотел стащить, бери, да потом – не жалуйся!

Продолжение излишне.

СЛОВО О ГОРЕ-ЗЛОСЧАСТИИ

Реалистическая фантасмагория.

Действующие лица:

Добрый молодец.
Горе-Злосчастие.
Совесть Доброго молодца – молодая, но уже слегка потрепанная.

Место действия– вечная Россия.

Сцена представляет пустую комнату с наполовину ободранными обоями. На стенах – портреты Наполеона, Аллы Пугачевой и Волка из мультфильма «Ну, погоди!». По углам валяются книги, потрепанная одежда, разбитая посуда, топор. На полу спит Добрый молодец. Рядом в позе роденовского Мыслителя сидит Горе-Злосчастие. В темном углу спит Совесть.

Молодец (*просыпаясь, потягивается*). Черт возьми, как голова раскалывается! И сколько же я проспал? Сколько сейчас времени?

Горе-Злосчастие. Ровно двенадцать!

Добрый Молодец. Да что ты мне про часы говоришь? Какое тысячелетье на дворе, я спрашиваю?

Горе. Третье, дружок! Да, хорошо ты намедни повеселился! Помнишь, с какими людьми ты вчера пил? Сущий сброд! Правду говорят – скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты!

Молодец (*запинаясь*). Я бы сейчас вы-ра-зил-ся по-другому: скажи мне, кто мой друг, и тогда я соображу, кто я…

Горе. Думай сам, дружок! Голова у тебя, чтобы думать, а мозги, чтобы соображать…

Молодец. Я не помню, что вчера было. Вот это, например, кто в углу спит?

Совесть (*просыпаясь*). Это я, Совесть твоя... Помнишь меня?

Молодец. Припоминаю… Только чего это ты такая грязная?

Совесть. Это уж ты виноват… Помнишь, как вчера на площади ты со мной рядом на колени упал и землю целовал? Каяться нам захотелось!

Молодец. А в чем я каялся?

Горе. Вот этого грех не помнить – это уже в программу для девятого класса по литературе вошло! Неужели про старуху-процентщицу не слышал?

Молодец (*обнаруживает в углу топор*). Так это я… О Господи! Как я на это решился?

Горе. Так ты постоянно кричал: «Довели, довели!» А когда у тебя шинель украли, так ты совсем на весь свет обозлился!

Молодец. У меня шинель украли?

Горе. Это тоже теперь в школах изучают… А какие стишки ты вчера выдумал! «Эх, эх, согреши! Будет легче для души!» Поверь, теперь тебя долго народ не забудет! Ты в пословицу войдешь!

Молодец. Да, тяжелое дело – литературу русскую развивать… А ты, Совесть, что меня не остановила?

Совесть. Я бы тебя спасла, да меня во вчерашний день часу в шестом кнутом избили… Ты разве в это время на Сенной не был?

Молодец. Хоть убей – не помню! А за что тебя били-то?

Совесть. За воровство! Я для тебя булку хлеба стащила, чтоб не голодал.

Молодец. М-да… Ужасный век! Ужасные сердца! Все, решено! С сегодняшнего дня начинаю новую жизнь!

Горе. Точно! Хватит повторять старые ошибки! Пора делать новые! Вот, опохмелись…(*Протягивает Молодцу рюмку*).

Молодец (пьет). Вовремя опохмелиться – это счастье!

Совесть. Да как ты можешь? Ты не понимаешь, что нам с тобой теперь каторга светит? Как можно пить в такой ситуации? Вспомни, как ты к нам из Швейцарии приехал – сколько светлых чувств в тебе тогда было! И ты все это потерял… Тебе надо работать, исправляться! Труд сделал человека!

Горе. Труд человека сделал – труд может уйти! Вообще, тебе бы сначала почиститься, а потом поучать. Знай: с тех пор, как он со мной подружился, ему все дозволено. Так уж повелось, что русского человека тянет к Злосчастию. Счастье теперь ведет к победе Зла, а Зло – к Счастью…

Совесть. Счастье – оно ведь как снотворное для души: малая доза приносит покой, а большой можно отравиться. Поостерегись, Молодец!

Молодец. Да я и сам не рад тому, что со мной случилось… Я ведь всегда к счастью стремился, к чистому, светлому… Но найти не мог. Искать счастье – это пытка!

Совесть. Счастье, братец, находит только тот, кто его не ищет.

Молодец. Да я уже ничего не ищу! Мне бы лишь вечность скоротать… И какое может быть счастье, если Горе всегда рядом со мной?

Совесть. А без горя счастье и невозможно! Радость ведь – это не отсутствие горя, а его преодоление.

Молодец. Извини, я что-то тебя после вчерашнего не понимаю… Жить со своим Горем в одной комнате трудно.

Совесть. Быть счастливым еще труднее!

Молодец. Да, только тот, кто перенес беду, может *вынести* счастье… Кстати, а где это Горе запряталось?

Совесть (*озираясь*). Да ушло куда-то…

Горе (*из-за края сцены*) Я с вами больше жить не могу, потому что Горе и Совесть – две вещи несовместные! Так и знайте – Горе на вас обиделось! Посмотрим, как вы там без меня прожить сможете… Э-э-э-й! Водила, ты что, не видишь, куда едешь? Я на красный свет иду! (*Грохот, крик*).

Молодец. Что там случилось?

Совесть. Да там твое Горе под машину попало!

Молодец. Так что же я сижу? Бежать спасать надо!

Совесть. Так это ведь Горе твое! Тебе что, надо, чтобы оно снова тебе жизнь и душу отравляло?

Молодец. Все так, но… Разве я могу допустить, чтобы мой друг под колесами умер? Я же исправляться решил! Я за свою Горе любого порву! Добро должно быть с кулаками! (*Убегает*).

Совесть. Добро должно быть не с кулаками, а с мозгами. Безмозглое добро с кулаками – вещь опасная… Да, пора уходить. Мне тут делать нечего. У других совесть человека мучает, а у нас – все наоборот: не я его, а он меня всю жизнь мучил… Эй, люди! Не нужна никому бездомная Совесть? Э-э-э-эй!

Совесть спускается в зрительный зал и молча проходит мимо зрителей к выходу из зала.

Всеобщее молчание.

СТРАШНЫЙ СУД

Сцена обставлена как зрительный зал кинотеатра. Один зрительный зал– на сцене – обращен лицом к другому зрительному залу – настоящему. Предполагается, что на месте реального зрительного зала располагается киноэкран, на который смотрят люди - зрители со сцены. На сцене стоят ряды кресел, на одном из них сидит Поэт– мужчина в старом, но еще хорошо смотрящемся пиджаке и костюме, в очках,– и смотрит вперед, на незримый экран. К нему подходит Ангел в костюме билетера и подсаживается рядом.

Ангел. Как вы проникли в зал? Предъявите билетик. (*Поэт показывает небольшой сборник стихов*).Так-так, посмотрим… Седьмое небо, третий ряд… Да, билет правильный… Извините, что побеспокоил. Фисташек не хотите?

Поэт. А что, это возможно? Я себе тот свет как-то по другому представлял…

Ангел. В нашем цивилизованном обществе теперь все по-научному. Босс повелел использовать с работе с заблудшими душами инновационные технологии… Так что у нас теперь для вас есть все удобства: экран 3D, очки, стереозвук, кондиционер… Все включено. Все не выключается.

Поэт. Действительно, до чего дошел прогресс… Жуть стала лучше, жуть стала веселей. А вы не можете мне до начала фильма объяснить, что и как здесь происходит? Просто мне еще не приходилось сюда попадать,– с непривычки, так сказать, волнуюсь.

Ангел (подсаживаясь рядом и попивая кока-колу). Ну что же, поболтаем. Главное, чтобы босс не заметил, да он сейчас командирован в Средние века и вернется не позже чем через пол-Вечности. Так что мы вполне сможем побеседовать. За что вы сюда попали?

Поэт (волнуясь). Ну, как это сказать,– в общем, так получилось… Любила меня одна женщина. Может быть, она не меня, а стихи мои полюбила,– такое бывает… Но, в любом случае, ходила она за мной по пятам на все мои выступления, автографы собирала… Знаете, женщины– как буквы в алфавите: есть гласные, а есть согласные. Я был к ней равнодушен. Но вот однажды…

*Ангел(громким шепотом).*Тише, тише,– кино начинается! Титры уже прошли! Кстати (*указывает пальцем на незримый экран, а фактически– в зал*), это не она на экране появилась?

Поэт. Ну точно,– она! Как она сюда попала?

Ангел. Сейчас увидите!

Молчание. Хруст фисташек.

Поэт. А я не знал, что она умерла после того как я прочел ей эту отповедь… А мы с ней встретимся здесь?

Ангел. Я вроде видел ее в соседнем зале. Но до конца сеанса вы точно не встретитесь. Вы смотрите мистику, а она– романтическое кино… Что это вы так побледнели?

Поэт. Долг платежом страшен… Стоит ли то, что я написал, этой жертвы?

Ангел. В любом случае– ваше дело сделано.

Поэт. Да… Сделал дело— гуляй, как дурак, без дела!

Ангел. Тише, тише, в зале нельзя говорить так громко…

Молчание, нарушаемое вздохами поэта.

Поэт. А можно эту сцену перемотать и посмотреть заново? Больно уж хорошо я тогда выступал перед студентами…

Ангел. Да, вы тогда были как река весной: вышли из берегов и несли что попало… Но перемотка ленты для одного зрителя не допускается.

Поэт. А эту сцену можно пропустить? Больно уж стыдно смотреть…

Ангел (усмехаясь). А другим зрителям нравится… Как вы тогда гульнули с премии, а? Никакой Гоголь такую умору бы не придумал! А вы не бойтесь. Сердце вот так – сосет, сосет, а глядишь– и рассосалось…

Поэт. Я не понимаю, вы белый ангел или черный?

Ангел. Я летун, с одной работы на другую перелетел… Да ведь и у вас, на Земле, ценятся мастера на все руки!

Поэт. По-моему, вы неправы…

Ангел. Я постоянно оказываюсь прав, но это-то больше всего и раздражает...

Поэт. Да, жуть стала веселее… А вы не боитесь переборщить со своей пыткой смехом?

*Ангел.*Кашлем насморк не испортишь!

Поэт. Боже мой! Разве я думал, что так буду наказан? Я мечтал о раскаленных сковородках и демонах с опаленными крыльями… А тут– какой-то кинозал и злой ангел в костюме билетера. Разве этого я хотел?

Ангел. Хотел, хотел… Бойтесь своих желаний — они сбываются!

Дальше – тишина.

АД

Номер гостиницы утром. Сквозь плохо задернутые занавески прорываются лучи света, освещая обстановку: постель, на которой лежит Палач, шкаф с книгами, телевизор, приоткрытую дверь в ванную, из которой доносится пение.
Палач спит и во сне разговаривает со снящейся ему жертвой.

Палач. Эх ты, интеллигентишка, где тебя учили? Совесть у тебя есть? Что ты на меня так смотришь? Пожалел бы меня… У меня жизнь знаешь какая тяжелая! Взять хотя бы этот топор: за день намашешься, потом руки отнимаются… А как мне с топором этим на работу ехать? В автобусе за всех цепляется, люди глазеют– ужас! Потом, мозоль на правой руке заработал… Что? Хорошего врача знаешь? Во-во, подскажи номерок, сегодня доделаю работу – обязательно звякну… А случайно не подскажешь, кто может боли в пояснице вылечить? Работа, понимаешь, такая – весь день на ветру с топором стоишь, потом пояс так ноет… Ты, небось, не понимаешь. Да где тебе понять– ты ведь днями сидишь у себя в кабинете, книги научные строчишь, карандашом чиркаешь… Эх, ограниченный ты человек, жизни не знаешь!

Потом, я ведь в Союзе палачей состою. Недавно меня вызывают, спрашивают: ты взносы платишь? Плачу,– говорю,– как положено– по стольнику с башки. Ты на собрания ходишь? Не хожу, – говорю, – работы слишком много.– Нельзя так,– говорят,– надо людей уважать. Надо приходить на совещания, участвовать в общественной жизни. Или мы зря твой портрет на Доску почета вывешивали?

Эх, тяжелая у меня работа… А что делать? Приходится ходить на службу – всем ведь надо жить. Вот ты смотришь на меня и не понимаешь, что и я человек, что мне тоже хочется отдохнуть порой… У меня тоже душа есть! Что? Не плачь, не плачь… Кстати, не угостишь сигареткой? Спасибо… Ну, что,– поболтали, теперь за дело. Эх, интеллигентишка, поэт, и где тебя учили? У тебя высшее образование, ты столько книг прочел, а не знаешь, как на плаху голову класть!

Поэт (выходя в халате из ванной, вытирая полотенцем волосы). С добрым утром, дружок!

Палач (*просыпаясь с криком).* Что? Кто? Где я?

Поэт. Ты в гостинице «Третий круг». Гостиница шестизвездочная, так что тебе повезло… А меня узнаешь?

Палач. Припоминаю… Тебя я убил за полгода до того переворота, когда твоя партия пришла к власти и смертную казнь отменили?

Поэт. Вот именно… Помнишь, как тебя на пенсию отправили? Как сейчас вижу: ты второй день на пенсии. Пьешь и куришь. Пьешь и куришь. В комнате накурено– хоть топор вешай…

Палач. А ты откуда это видел?

Поэт. Отсюда, дружок! Вот телевизор в комнате есть… Я тебя пол-Вечности дожидался. Нас вдвоем вселили в этот номер. Так что привыкай ко мне теперь,– вместе Вечность коротать будем…

Палач. Ты что, смеешься? Ты же ученый! Тебе совесть это позволяет?

Поэт. Ученый,– это тот, кто решает свои проблемы, изучая чужие… А что, разве ты не знал, что вчерашняя жертва – отменный палач?

Палач. Я не знал, что между палачом и жертвой нет разницы…

Поэт. Если бы ты читал мои трактаты (*указывает на книжный шкаф*), ты бы это давно уже понял… А я в это верил с детства. Вера в это и называется *адом*.

Палач. Жалко, что я мало читал…

Поэт. У тебя образование-то какое-то есть?

Палач. Два класса с философским уклоном…

Поэт. А кто тебе учиться-то не дал?

Палач. Нам, палачам, это не позволено… Батя мне свою профессию передал, хоть и не хотел я… А что было делать? Я бы, может, тоже написать что-нибудь мог… Но семейная традиция – это святое. И кто бы стал слушать философа– сына палача? Ты об этом подумал?

Поэт. Говори, говори. Я всегда зеваю, когда мне интересно…

Палач. И что же это получается– я теперь вечно буду с тобой в одном номере жить? Лучше бы я на сковородке жарился!

Поэт. Ты и на сковородке испытывал бы то же. Я ведь только часть твоей души, только твое воображение,– короче, ты сам. Ад– это не Другие, ад– это человек.

Это конец.